

ЮЛИЯ ЕФИМОВА

18+

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПСЕВДОНИМ БОГА

ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА «СО СЛОВ ОЧЕВИДЦЕВ»
в номинации «Бестселлер»

Юлия Ефимова

Неизвестный псевдоним Бога

«Автор»

2020

Ефимова Ю.

Неизвестный псевдоним Бога / Ю. Ефимова — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-04679-5

Великий сочинитель - неизвестный псевдоним Бога. Как точно, ведь только он способен соединить в одной истории великое изобретение, которое поможет больным людям, но в то же время рискует погубить всё человечество, веточку лаванды, прошедшую через века, храня в себе частичку любви одной царской особы и Наташу Петрову, из провинциального города Н, уставшую женщину, которая не верит ни в себя, ни в своё возможное счастье. И вот когда ураган событий закрутил все это, стало понятно: ни один писатель не сможет продумать сюжет так, как это сделал он - Великий сочинитель.

ISBN 978-5-532-04679-5

© Ефимова Ю., 2020

© Автор, 2020

Юлия Ефимова

Неизвестный псевдоним Бога

Заходи, дорогой читатель, будь гостем. Я приглашаю тебя погреться у костра моей фантазии. Мир этой книги соткан из моих снов и мечтаний. Если вдруг ты увидишь совпадения с реальной жизнью, знай: это случайность. Мне просто очень хотелось бы, чтобы где-нибудь в параллельной вселенной все было именно так.

* * *

Таша стояла на тротуаре, подняв сумочку, как факел, вверх, и обтекала грязной водой из лужи. Лето выдалось дождливое, и уродливые океаны грязи растекались по всей дороге. Этот день должен был закончиться именно так, хотя нет, он еще не закончился, и, возможно, этот день-неудачник удивит ее не раз. В голове всплыл стишок:

День-неудачник стекся в лужу,
Ему там тесно, ну и пусть.
Он как февраль, он был не нужен,
Плеснув в лицо мне резко грусть.
Он не жалел меня нисколько,
Когда я думала – предел,
Он танцевал победно польку
И ставил планы под прицел.
Буян сегодня очень строг,
Ему со мной возиться было лень.
Но лучшее, что мог придумать Бог, –
Что завтра будет новый день.

Таша устала постоянно надеяться на новый день. Футболка сразу из белой превратилась в серую, а джинсы приобрели вид окончательно недостойный, хотя они давно и настойчиво просились на помойку. Но все переживания были о сумочке, это был подарок дочке на восемнадцать лет. Несмотря на свое плачевное финансовое состояние, она все-таки накопила на эту красоту для Олеси. Дочка, умница и красавица, мечтала об этом брендовом рае уже давно, и Таша сама себе пообещала, что в лепешку разобьется, а купит своему котенку в подарок эту мечту. Вообще мечты обязаны исполняться, на то они и мечты. Таша в этом была уверена на сто процентов, и если в ее силах исполнить хоть одну малюсенькую мечту своей любимой и единственной дочки, то она должна это сделать непременно.

– Женщина, с вами все в порядке? – услышала она голос из машины. Таша оторвалась от созерцания сумочки и выявления на ней грязных капель и посмотрела на обидчика. Она на самом деле думала, что он давно уехал, и была очень удивлена тем, что негодяй не только остановился, но, сдав назад, открыл окно.

– Как видите, – пробурчала она, ей не хотелось ругаться, но и выражение «все в порядке» не вполне подходило для данной ситуации.

– Петрова, ты, что ли? – услышала она неожиданно из машины, где сидел обидчик, и наклонилась.

В салоне дорогого автомобиля, который только что подытожил ее и так паршивый день, сидел старик, морщинистый и сгорбленный. Он улыбался ей своими гнилыми зубами и ждал

от нее того же. Таше стало жалко его, наверное, ошибся, Петров – самая распространенная фамилия в России. Она стала рассматривать мятое, словно высохшее лицо нерадивого водителя, и какие-то черты неуловимо зацепили ее. Словно что-то давно забытое шевельнулось где-то на самых дальних полках памяти. Таша, с трудом пробиваясь сквозь его морщины, наконец узнала старика.

– Суслик, Юра? – непонятно чему обрадовалась Таша, словно то, что ее обрызгал из лужи не просто хулиган, а одноклассник, которого она не видела 23 года, отменяло грязную футболку.

Тот же выскочил из машины и начал хохотать.

– Наташка Петрова. – Он смеялся уже так, что Таше показалось, что это не радость от встречи, а насмешка над ней. – Староста класса, никогда бы я тебя не узнал.

– А вот ты не изменился. – Деликатная Таша еще не решила, стоит уже обидеться или подождать. – Только уверенней, что ли, стал. – Наташа Петрова была девушка культурная, поэтому подбирала слова, чтоб не обидеть одноклассника и не сказать напрямую, что он из забитого ботана превратился в сморщенного самоуверенного старикана.

– Как тебя расперло-то, жуть. А ты беременная или просто толстая? – поражал Ташу своим хамством бывший одноклассник.

– Не забывай: нам по сорок лет, какие уже дети? – покраснев и машинально втянув в себя живот, ответила Таша, жутко жалея о том, что наклонилась к открытому окну, а не ушла. В голове опять пронеслись строчки: «...но лучшее, что мог придумать Бог, – что завтра будет новый день».

– Слышь, а может, пойдем кофе попьем? – отдышавшись от дикого смеха, предложил хам. – Вон, видишь, кофейня, там очень вкусные пирожные, уверен, ты таких не ела. Хотя, – снова засмеялся одноклассник, – судя по твоим размерам, ты перепробовала их все. – Видимо, поняв, что перегнул палку, нахал немного сбавил обороты и высказал еще один аргумент: – Тем более тебе надо в порядок себя привести.

Таша согласилась на предложение: хотя оно и было высказано в хамской форме, но имело под собой логическое обоснование – ей действительно было необходимо отмыться от грязи.

– Ну рассказывай, Петрова, как тебя жизнь-то так покалечила? – Как только они уселись за столик, одноклассник Юра снова начал улыбаться и хамить.

Воспользовавшись тем, что к столику подошел официант, Таша ускользнула в дамскую комнату, намеренно оставив на столе сумку, которую купила для дочки. Подарок был дорогой и брендовый, может, этот зазнайка Суслик, увидев, какие вещи она носит, успокоится и не будет больше над ней издеваться.

Таша не видела своих одноклассников уже очень давно. Лишь однажды она сходила на встречу, которая проходила через пять лет после окончания школы. Тот вечер оставил в душе неизгладимое и вместе с тем отвратительное ощущение, с которым она позже отказывала своим одноклассникам во встрече. Это был вечер лицемерия, где девочки хвастались своими мужьями и бриллиантами, а мальчики – машинами и должностями. У худенькой тогда Таши была маленькая дочь, любимый муж, работающий дальнобойщиком, и старая хрущевка – бабушкино наследство. Поэтому хвастаться было нечем. Весь вечер она терпела уколы более успешных подруг: «как была ты Петрова, так ею и осталась». Дело в том, что фамилия у мужа Таши тоже была Петров, и это стало главной хохмой вечера. К концу встречи все уже порядком перебрали и, когда принесли счет, отказывались платить. Было противно, что те, кто еще час назад хвастался домом в Испании, сейчас, брызгая слюной, кричали, что не собираются переплачивать. Закончилось все прозаично: Таша и еще одна девочка, тоже, к слову, тихо просидевшая весь вечер, доплачивали оставшийся счет.

– Наглость – второе счастье, – вздохнула тогда одноклассница, разделившая с ней убытки вечера, а Таша в этот момент пообещала себе: на встречи выпускников больше ни ногой.

Юрки Суслика на той роковой встрече не было, но справедливости ради стоит сказать, что этого никто и не заметил. В школе он тихо сидел на первой парте, тянул руку и никому не давал списывать. Друзей у него не было, по крайней мере в классе. Именно поэтому Таша так удивилась его разговорчивости, смешанной с хамством. Мало-мальски приведя себя в порядок и даже застирав в самых жутких местах футболку, она загрустила: надо было возвращаться, а делать это ой как не хотелось. «Вот что я за человек, – ругала себя Таша, – сейчас вышла бы потихонечку и сбежала из кафе по-английски, не прощаясь, нет же, решила сумкой похвастаться, дура. Да плевать ему на твою сумку, у него машина такая, что на мелочи в виде брендовой сумки он внимания даже не обращает». Вздохнув тяжело, Таша посмотрелась в зеркало, в свои по-прежнему ярко-голубые глаза.

– Господи, Наташка, – грустно сказала она отражению, – что ж ты себя так не любишь. Вон совсем себя запустила, наела лишних килограммов, одеваешься как никому не нужная старуха. Хорошо хоть вчера волосы покрасила, а то сейчас бы еще сединой мелькала перед своим крутым одноклассником.

Из зеркала на нее смотрела слегка полноватая женщина в самом расцвете лет. Стрижка каре – дань удобству, самостоятельно окрашенная вчера в цвет номер 600 – светло-каштановый, если верить производителю, делала ее и без того круглое лицо еще больше. Белая, почти прозрачная кожа сливалась с прической, создавала впечатление невзрачности и пресности, как тесто в маминой кастрюле. Его периодически мяли, а оно все равно упорно выползало своими рыхлыми боками.

– Прекрати, ты же умница, вспомни об этом, что же тебя так сломало? – спросила она сама себя, точно зная ответ на этот вопрос: его она похоронила глубоко внутри и не доставала вот уже тринадцать лет. – Неужели ты позволишь какому-то Суслику так с тобой разговаривать? Соберись, тряпка, выйди и ответь ему на хамство.

У Таши был такой тайный способ настраиваться на то или иное событие, глядя на себя в зеркало. Вот и сейчас, поговорив с собой жестко, возможно, даже с перебором, так, как никогда она себе раньше не позволяла, Таша отправилась в зал, готовая дать отпор хаму, но энергия, потраченная на настрой всех победить, не понадобилась. В зале ее ждал уже совсем другой Юра Суслик, теперь он больше напоминал ее одноклассника, которого она помнила с детства. Затравленный взгляд, сгорбленная спина и мысли, уходящие глубоко в себя. Он крутил в руках смартфон последней модели и не замечал ничего вокруг.

– Юра, я пойду, – сказала Таша, едва подойдя к столу.

– Пять секунд посиди, – почти взмолился одноклассник и глазами кота из мультфильма «Шрек» уставился на нее.

Наташка Петрова была, по сути, не обидчивым и очень жалостливым человеком. Когда ее подруги тихо лили слезы под «Титаник», она навзрыд рыдала не только над этим легендарным фильмом. В ее любимцах, где она обязательно обливалась слезами, ходили «Сибирский цирюльник», «Хатико», «Обыкновенное чудо» и даже мультфильмы «Про мамонтенка» и «Вверх». Да и не только эти, в личной картотеке Таши было еще десятка три фильмов, где она рвала душу, и неважно, был это первый просмотр или двадцатый. Дочка посмеивалась над мамой, но уважала ее поведение как выбор. Леська и единственная подруга Ирма знали: если в доме пахнет тортом «Медовик», значит, Таша уселась у телика депрессировать. Такое бывало редко, но, если случалось, лучше было ее в этот момент просто оставить одну. Вот и сейчас противный Юрий, словно узнав Ташин секрет, смотрел на нее умоляющим взглядом.

– Ну хорошо, – согласилась она. – С тебя латте и медовик.

Одноклассник тотчас же расплылся в улыбке, словно выиграл какое-то маленькое соревнование, и махнул рукой официантке.

– Ну давай рассказывай, как поживает староста класса, ты все там же живешь? – спросил Юра Суслик, когда им принесли заказ. Он и так был всегда белесым, почти бесцветным, сейчас

же седина давала о себе знать, и теперь на его погрубевшей коже красовалась абсолютно белая щетина. Надо сказать, она шла ему, делала его более мужественным и даже стильным. Первый раз с начала их встречи Таша взглянула на него с интересом.

– У меня все как у всех, дочка растет, восемнадцать лет, вот сегодня у нее день рождения. – Таша смутилась и не знала, что еще рассказать. Она считала, что живет жизнью невзрачной, а посему абсолютно неинтересной.

– А живешь там же, на Лесной? – помог ей Юрий.

– Нет, живу на другом конце города, на Фестивальной.

– Это замечательно, – неожиданно отреагировал собеседник.

– Что? – спросила непонимающе Таша.

– Нет, ничего, продолжай, – ответил Юра, маленькими глотками смакуя свой эспрессо.

– Мама с папой ту квартиру продали и купили себе домик в деревне, в ста километрах от города. Говорят, потянуло их на природу, поближе к земле и чистому воздуху. Они у меня оба уже пенсионеры, поэтому город им стал в тягость. Представляешь, купили корову и пьют по утрам парное молоко.

Таша смаковала пирожное, стараясь не проглотить его сразу. Выпечка была просто великолепна, вкусные нотки меда и тающие во рту тонкие и влажные слои нежнейшего теста заставляли ее закатывать глаза от удовольствия. У Наташи Петровой была маленькая слабость – она оценивала все медовики, которые ела, по пятибалльной системе, так вот, шедевр, лежащий сейчас перед ней на пестрой тарелке, тянул на четыре с плюсом, а это, к слову, шикарная оценка, вкус, приближенный к совершенству. Пятерки пока не удостоивался ни один экземпляр, но Таша верила, что обязательно попробует когда-нибудь и такой. Пирожное же, которое сейчас было перед ней, при более слабом судействе могло бы посоревноваться даже за пятерку. Именно поэтому рассказ о месте жительства был несколько более радостным, чем этого требовали обстоятельства.

– А на Фестивальной жила моя бабушка, – продолжила Таша, – вот квартира мне и досталась.

– Так ты богатая наследница, – пошутил одноклассник.

– Да что ты, – усмехнулась Наташка, забыв, что еще десять минут назад хотела произвести на своего одноклассника именно такое впечатление, – это маленькая хрущевка, состоящая из трех номинальных комнат и кухни, больше похожей на кладовку.

– А что муж не купит новую? – продолжал задавать наводящие вопросы Юрий, словно выяснял для себя что-то.

– Я в разводе. – Пирожное закончилось, а вместе с ним и хорошее настроение. У Таши так было всегда: следом за безграничным удовольствием приходили угрызения совести, и она страшно ругала себя за слабость. – Мы прожили пять лет и развелись. Мне было трудно тащить на себе и его, и дочь. Сейчас у него другая семья, пятеро детей и хорошая работа, вот так, оказалось, не он плохой – просто я не смогла его вдохновить на подвиги.

– На самом деле нет плохих и хороших людей, – очень серьезно ответил Юрий. – Просто есть люди, поставленные в неподходящие для них обстоятельства.

Таша поняла, что сейчас он говорит о чем-то личном и очень грустном.

– А у тебя как дела? – спросила она, пытаясь разрядить ситуацию. – Ты, смотрю, пошел в гору, машина у тебя такая дорогая.

– Машина? – словно очнувшись от своих мыслей, спросил одноклассник. – А, эта – нет, я ее арендовал. Ты, наверное, помнишь, что после школы я уехал в Москву, там поступил в университет.

– Конечно, мы очень тогда тобой все гордились! – воскликнула радостно Таша.

– Ну так вот, там меня заметили и пригласили в одну частную лабораторию в Чехии. Ну, сама понимаешь, в те годы это было круто, я, молодой специалист из глубинки, посчитал это божьим даром.

Юрий сказал это очень грустно, словно в сотый раз сожалел о своем решении.

– У тебя проблемы на работе? – спросила Таша, когда он вновь ушел в себя.

– Нет, что ты, – первый раз одноклассник улыбнулся искренне. – Все хорошо.

– А сейчас ты к родителям в гости приехал? – из вежливости спросила Таша, хотя на самом деле ее это мало интересовало.

– Родители мои умерли, – спокойно ответил Юра.

– Ой. – Таша в порыве чувств схватила за рот, дурацкая детская привычка, полностью не вытравленная мамой. – Прости, я не знала, соболезнаю.

– Не стоит, – почему-то усмехнулся он. – Это произошло, когда мне было пять лет.

– Я не знала, – виновато ответила Таша, понимая, что проучилась с человеком десять лет и абсолютно не интересовалась им.

– Я не хотел, чтобы кто-то знал, – пожалел ее одноклассник. – Жил я с бабулей, других родственников у меня и не было.

– Так ты бабулю навестить?

– Нет, вот бабуля как раз и умерла, – сказал Юра Суслик, не давая шанса Таше реабилитироваться.

– Соболезнаю, – вновь покраснев, сказала она.

– И в этот раз не стоит, – усмехнулся он. – Бабуля умерла полгода назад. Я прилететь не смог – были срочные дела. Деньги перевел соседу, тот и организовал похороны и поминки. А сейчас, как разгреб дела, прилетел вступать в наследование, квартиру оформлю и продам, да что там, уже и покупатель есть, дело трех дней.

– Ну я пойду, – сказала после долгой паузы Таша, ей показалось, что все разговоры сказаны, все вопросы заданы, медовик закончился, пора и честь знать.

– У меня к тебе просьба, – сказал Юра, прерывая ее уже запланированный уход.

– Да, конечно, – наивная и добрая Таша уже забыла, как недавно он хамил ей, и была готова помочь.

– Возьми на время Суслика, – выдал свою, прямо скажем, неожиданную просьбу одноклассник.

– Куда? – спросила Таша, одновременно прокручивая варианты отказа в голове. Квартира у нее была хоть и трехкомнатная, но очень маленькая, с проходным и не вполне функциональным залом.

– Ну, домой, – растерянно пояснил Юра, – куда же еще.

– Ты знаешь, я все понимаю, я бы взяла, но, боюсь, дочь будет против, – попыталась отказать Таша.

– Почему? – удивился Юра. – Она их боится?

– Кого – их? – не поняла Таша.

– Ну, сусликов, – пояснил одноклассник.

– А он что, не один? – спросила Таша, возмущаясь в душе, что он собрался притащиться к ней еще и с семьей.

– Нет, он один, и, честно скажу, спокойный парень, можно сказать, даже интеллигент.

Таша не умела долго отказывать, поэтому в голове уже созрел план оправдания перед дочерью из-за приведенного в дом чужого мужчины.

– Ну хорошо, поехали, – вздохнула тяжело она.

– Секунду, – крикнул довольный Юра и выскочил из кафе. В душе Таши теплилась надежда на то, что он не вернется, но она не оправдалась. Уже через пять минут Юра стоял счастливый возле ее стола, держа в руках большую клетку.

- Вот. – Он поставил ее на стол.
- Что это? – спросила изумленная Таша.
- Как что? – удивился Юра. – Суслик.
- Кто суслик? – еще раз переспросила она.
- Он, – показал пальцем на клетку одноклассник.
- А ты кто? – продолжала тупить Таша.
- Я? – удивился вопросу Юра. – Инженер.
- А я думала, Суслик, – на полном серьезе сказала она.

На этих словах Юра понял двусмысленность своей просьбы и засмеялся.

– Это Дуса, – указывая на клетку, сказал одноклассник, не переставая хохотать, – калифорнийский суслик, мне его коллеги на день рождения подарили. Решили пооригинальничать, мол, двум сусликам будет не скучно.

– Привет, Дуса, – сказала Таша, покраснев. Она, конечно, уже не удивилась тому, что снова попала в нелепую ситуацию. Лишь риторический вопрос «Почему я?» снова всплыл в голове. – Это девочка? – почему-то поинтересовалась Таша, скорее всего, для поддержания разговора.

– Нет, это друг. Дуса – мужское чешское имя, оно означает «дух» или «душа».

– И зачем ты его сюда привез? – продолжала задавать дурацкие вопросы Наташа. – Оставил бы его у друзей, ведь ты ненадолго.

– Ты знаешь, Дуса стал моим талисманом, я уверен, что в нем живет дух, который меня оберегает. Не поверишь, сколько мне пришлось документов оформить на его вывоз, кучу. Но вот в ближайшие дни мне придется много мотаться, в гостинице не могу его оставить – небезопасно, а в машине его укачивает. Возьми Дусу на пару дней, я, как только разгребу дела, сразу его заберу.

– Но я не умею за ними ухаживать, – выдвинула последний аргумент Таша.

– Дуса – милый дружелюбный зверек, поверь, плюс ко всему у него суперклетка. Все, что нужно будет, – это кормить его и раз в день выдвигать поддон для того, чтобы промыть.

Таша наклонилась к клетке, на нее смотрел странный зверь, совсем не похожий на суслика по ее скромному пониманию, взятому исключительно из детских мультфильмов. Окрас у него был черный, а хвост пушистый. Глазки-бусинки внимательно смотрели на Ташу осмысленным взглядом. От мимимишности момента она расплылась в улыбке.

– Ну хорошо, – сдалась Таша скорее милому животному, чем Юриным уговорам.

Перед тем как почетно вручить клетку Таше, хозяин странного суслика долго смотрел на испуганное животное, словно прощаясь с ним.

– Береги Дусу, – очень серьезно сказал Юрий, – это самое дорогое, что есть у меня в жизни, во всех смыслах этого слова.

Он сказал это так искренне, что Таша сразу поверила в его слова, в душе посочувствовав однокласснику. Это насколько надо быть одиноким и несчастным человеком, чтобы дороже суслика ничего не иметь? Сразу на фоне глубоко несчастного Юрия Наташа Петрова почувствовала себя счастливчиком, баловнем судьбы, ведь у нее столько в жизни есть: Леська и Ирма, два самых родных и любимых человека, и она даже на сто сусликов бы их не променяла, никогда в жизни, даже если бы к ним прилагалась хорошая машина, зарплата и социальный статус.

Через пять минут она уже шла счастливая по улице. Одноклассник, записав на салфетке ее адрес и телефон, уехал на своем шикарном автомобиле, даже не предложив Таше довезти ее до дома. Но это не испортило ей хорошего настроения, и сейчас, держа в одной руке клетку со странным зверьком, в другой – сумочку, долгожданный подарок для Лисенка, Таша решила, что день не так уж и плох. Но она даже не представляла, что день-забияка еще не окончен, что все еще впереди.

* * *

– Убирайся из моей жизни, – кричала Вика, кидая в Клима его вещи. Она доставала их из разных шкафов, но почему-то не складывала в открытый чемодан, лежащий посередине комнаты, а бросала в спокойное лицо бывшего мужа.

– Вика, мы с тобой все уже сто раз обсудили, – виновато и монотонно отвечал он не слышащей его женщине. Она настолько сейчас была увлечена своей истерикой, что отказывалась понимать его.

А ведь они действительно давно все решили. Клим уходил, оставив бывшей жене абсолютно все для нормальной жизни, к слову, печать о разводе уже год как стояла у обоих в паспорте. Они прожили вместе десять лет, десять скучных пресных лет. Почти сразу разочаровавшись друг в друге, супруги спали в разных комнатах и смотрели по вечерам разные фильмы. По выходным ходили в разные бары, каждый со своими друзьями, общих, к слову, они не нажили. Очень часто Клим ловил себя на мысли, что стоит один раз вернуться из командировки пораньше – и брак закончится просто и молниеносно, но он постоянно оттягивал этот момент, сейчас сам не понимал почему.

Понимание к нему пришло во время празднования тридцатипятилетия Вики. Гомон ресторана, множество друзей жены обоих полов и горькое чувство, что он здесь чужой. Когда ему предоставили слово, Клим, к своему стыду, не знал, что ему говорить. Он видел перед собой совершенно чужого человека, про которого толком ничего не знал. Вика была красивой женщиной, возможно, даже очень красивой. В свои тридцать пять она выглядела лет на десять моложе. Стройное тело, белоснежная кожа и длинные черные локоны делали из нее роковую красотку. Именно ее сказочная внешность и поспособствовала их такому стремительному сближению десять лет назад. Работала Вика в театре, или, как она сама любила говорить, «служила», в должности заместителя директора по развитию и организации зрителей. За последние десять лет Вика сделала головокружительную карьеру от простого кассира без образования до должности зама. Конечно, неглупый Клим понимал, что это, скорее всего, произошло не без чьей-то протекции, но ему было все равно. Даже когда на том злополучном дне рождения к нему в праздничной суете подседа неопрятная женщина и вызывающе сказала, что ее муж изменяет ей с Викой, Клим, к своему стыду, не почувствовал ничего. Возможно, он уже давно отпустил ее, номинально все еще числясь мужем. Клим не стал тогда выяснять отношения с Викторией и портить ей праздник. Просто после, буквально спустя неделю, он молча подал на развод, принеся жене лишь копию своего заявления.

И вот тогда, полтора года назад, начался его личный ад. Виктория плакала и умоляла, прося второй шанс. Клим всерьез не понимал, зачем он ей. Большой любви жена к нему никогда не испытывала, в финансовом плане тоже была вполне независима. Он соглашался попробовать снова и снова. Раз пять до развода и раза три после, но ничего не менялось. Клим постоянно жалел ее, и слезы были главным оружием брошенной женщины.

Но сегодня все изменилось, в душе он настраивался сказать Вике, что вновь случился провал и попытка начать все сначала в сотый раз не увенчалась успехом, в ответ же выдержать град ее жалостливых слез. Но он услышал фразу, которая поставила все на свои места. Как всегда, сработала пресловутая случайность. Недаром же есть поговорка, что случай – псевдоним Бога, возможно, Господь просто решил помочь Климу и освободить его.

Сегодня ему дали отпуск, и он, не веря в происходящее, так как отпуск у них на работе сродни второму пришествию, мероприятие планируемое, но неосуществимое, возвращался домой в приподнятом настроении. Ошалевший от такой новости Клим пришел домой неприлично рано. Открыв дверь своим ключом, он услышал, как жена на кухне разговаривает с подругой по телефону.

– Да, милая, мне он нужен как статус, разведенки – это неудачницы, как ты понимаешь, Потап свою гримзу никогда не бросит. Да, я думаю, что уговорю его снова расписаться. Да, тогда я не проконтролировала ситуацию, доведя ее почти до провала, но я все свои ошибки учла, и больше такого не повторится. Потапы и тому подобные пусть меняются в моей жизни, а Клим должен быть постоянной величиной, константой, опорой, если хочешь. Детей, ты же знаешь, я не могу иметь, а пресловутый стакан воды подать в старости кто-то должен.

Клим стоял, замерев в коридоре, и на его душе становилось легче, все, чем его шантажировала бывшая супруга, перестало иметь значение и лопнуло, как мыльный пузырь.

И вот сейчас, собрав кое-как чемодан и оставив ключи на тумбочке, он стоял у подъезда и вглядывался в глубокое небо. Оно было как знак, что все правильно, все идет как надо. Впереди, конечно, его ждало множество дел, необходимость снять квартиру, обустроить новое жилище, наладить свой быт, но это были уже приятные хлопоты. Клим не делил с женой жилплощадь, хотя, по справедливости, квартира эта была куплена еще до встречи с Викой, но он считал, что это не по-мужски – оставлять женщину на улице.

Все эти мелочи Клим решил оставить на потом, сейчас же надо воспользоваться отпуском и съездить к родителям. Сколько он их не видел? Да скоро уже пять лет. Не позволяла работа, а к нему в Москву они ехать отказывались. «Ну что ж, – мысленно сказал себе свободный с этой минуты во всех отношениях мужчина, – едем в город Н.».

* * *

Таша ничего не успела понять, только удивленные глаза подруги Ирмы да острая боль в шее. Мужчина в балаклаве ничего не говорил, он просто прижал ее к грязной подъездной стене и, с усилием нажимая на шею, сопел от усердия. От него очень сильно пахло чем-то знакомым и добрым, и это так контрастировало с тем, что он делал, что мысли Наташи кидались в разные стороны. Когда Таша решила, что это конец, и мысленно попрощалась со всеми, ее душитель резко обмяк и скатился на бетонную площадку старого подъезда.

– Привет, подруга, – испуганно сказала Ирма, держа в руке черный прямоугольник.

– Скажи, что я тебе сделала плохого? – спросила ее Таша.

– Плойку не отдала, – серьезно ответила Ирма, рассматривая хулигана на полу. Это был худой мужчина, а на голове у него была шапка с прорезями для глаз.

– Ну, это не повод ждать, пока меня убьют, – посетовала Таша, собирая с пола свои вещи, они высыпались из сумки после встречи с душителем.

– Ну а я откуда знала, что это душегуб, – продолжала оправдываться подруга. – Думаю, в кои-то веки Ташка ухажера нашла, стоят, обнимаются. Знаешь, я, увидев твои закатывающиеся глаза, очень тебе даже позавидовала, – рассказывала свою версию Ирма.

– И когда ты все-таки поняла, что пора спасать единственную подругу? – Таша уже собрала пакет с продуктами и подняла клетку с сусликом. Тот зыркал глазами-пуговками и был напуган не меньше своей новой хозяйки. Но больше всего она испугалась за сумочку для дочери. Видимо, день-неудачник все-таки решил ее пожалеть, и подарок был в полном порядке.

– Сначала меня смутила его одежда, – повествовала Ирма, показывая подтверждение своих слов на лежащем мужчине, как учитель на доске. – Я даже подумала, что ты решила уже попробовать последний вариант.

– Что значит последний? – обиделась Таша. Разговор происходил по-прежнему над распластанным телом.

– Ну, крайний, не придирайся к словам, в общем, когда я поняла, что он нам не пара, я достала шокер. Таш, – Ирма наклонилась над преступником, – а что он хотел?

– Не знаю, – растерянно ответила потерпевшая, явно не понимая, за что пострадала.

– А что говорил? – продолжала допрос подруга.

– Молчал, – констатировала Таша.

– И все? – удивилась Ирма.

– И все, – подтвердила Наташка, потирая горло.

– Может, ты не услышала? – засомневалась подруга. – Должны же были быть требования, ну, не знаю там, условия.

– Он сопел мне прямо в лицо, – рассуждала Таша. – Если бы он хотел что-то мне сообщить, я бы обязательно обратила на это внимание.

– Уверена?

– На все сто, мне даже хотелось ему отдать кошелек, вдруг он стесняется спросить, но не успела – ты на помощь пришла.

В этот момент подруга взяла свой крутой мобильник и сфотографировала мужчину, распластанного на полу.

– Ты что, сфоткала труп? – ужаснулась Таша.

– Ты наивна, как гималайский сурок, – поразились Ирма, убирая телефон в сумочку. – Во-первых, не запостил – не было, – выдала гениальную мысль подруга, – а во-вторых, от шока еще никто не умирал.

– Откуда он у тебя?

– А давай мы дома поговорим? – забеспокоилась Ирма. – В инструкции написано, что через пять минут преступник может прийти в себя.

– Надо вызвать полицию, – настаивала Таша, горло у нее болело, и было трудно говорить.

– Мы обязательно вызовем, но из дома. – Ирма уже достала ключи и открывала свою квартиру.

Жили подруги по соседству, как говорится, через стенку. Именно это и послужило залогом их долгой дружбы. Когда девятнадцатилетняя Таша переехала в квартиру своей бабушки, то уже на следующий день прозвенел звонок в дверь, там стояла маленькая девушка, худая как доска, и улыбалась во весь рот.

– Привет, – с порога произнесла она и без разрешения вошла в квартиру.

– Привет, – ответила новоиспеченная хозяйка жилища.

– Я твоя соседка, меня Ирма зовут, будем дружить, – произнесла она и вошла по-хозяйски в кухню. – Давай чай пить.

Гостя самостоятельно достала кружки, нашла заварку и, устроившись на самом удобном стуле в кухне, рассматривала Ташу.

– Значит, ты внучка Марии Тарасовны, – не спрашивала, а утверждала Ирма. – Странно, я тебя никогда не видела.

– А я никогда здесь и не бывала, – ответила Таша.

– А что так, бабушку свою не любила? – уточнила Ирма. – Или у тебя к пожилым в принципе отрицательное отношение?

– Да нет, – смутилась она, – я просто не знала про нее.

– Как это? – удивилась нежданная гостя.

– Ну, я до недавнего времени не знала, что меня воспитывал отчим. Называла его «папа» и именно его родителей считала бабушкой и дедушкой. Но вдруг оказалось, что у меня был другой отец, а папа Вася – всего лишь мой отчим.

– Понятно, – усмехнулась Ирма. – Значит, ты дочь непутевого сына нашей Машеньки.

– Почему Машеньки? – удивилась Таша, пропустив укол про непутевого. Она уже знала, что ее биологический отец в 94-м году попал в тюрьму и через год там и умер, подхватив туберкулез. Сначала данный факт она переживала очень тяжело, после просто старалась забыть.

– Да мы ее так все называли, – рассказывала Ирма. – Она почти святая была. Учительница русского языка и литературы, в этой квартире из нашей школы не бывал только ленивый. Она

всем помогала и уроки сделать, и накормить, у кого дома с этим беда. Все ученики школы – во-он, видишь, в окно, там она работала – ее просто обожали, а когда померла наша Машенька – сердце, говорят, не выдержало, – всем районом ее хоронили, как героя какого-то. Я в этой квартире каждый закуток знаю, так что, если что, спрашивай. Когда девчонкой была, бывало, батя напьется и буянить начинает, так я сразу к Машеньке. Иногда прям мечтала, чтоб батя поборогозил, потому как в этом доме и поесть всегда было чего, и уютно, и рассказы она всегда интересные вела.

Ташу тогда очень порадовал этот факт, потому как она в одночасье с получением наследства стала дочкой уголовника и ее самооценка и вера в интеллигентные гены быстро угасала. Такие душевные разговоры о Ташиной почти героической бабке молодой наследнице были приятны. Хотя и не была она знакома с бабулей, но жить в этой квартире сразу стало комфортнее.

Вот именно после того исторического разговора Таша и Ирма стали подругами. Последняя была на два года младше, чем частенько хвасталась. Пережить подругам пришлось многое: и Ташину свадьбу, и рождение Олеськи, и трагический развод. У Ирмы же личная жизнь не складывалась и вовсе, в свои тридцать восемь она была не замужем, детей не имела, зато имела большие требования и грандиозные планы. На этот счет она любила шутить: «Будда говорил, что брак – это жизненный опыт, который должен помочь стать лучше, а я еще не нашла человека лучше себя». Ирма была очень красивая стройная шатенка с короткими выющимися волосами, поэтому могла позволить себе так шутить. Таша никогда не завидовала подруге, она просто ею по-настоящему восхищалась. Вот и сейчас, пока Таша предавалась воспоминаниям, сидя в коридоре, Ирма уже названивала участковому.

– Зая, ты прекрати мне, – услышала она голос Ирмы из кухни и улыбнулась. Участковым с недавних пор у них был давний поклонник Ирмы Арсений Зайцев, и вредная подруга отказывалась его по-другому называть.

Шея горела огнем. Первым делом, как они зашли домой, заперли хиленькую дверь на все имеющиеся засовы. Слушая разговор подруги с участковым, Таша, словно поверженный преступник мог ее услышать, на цыпочках подошла к двери и через глазок осторожно посмотрела на площадку. Тусклый свет и маленький обзор не давали возможности увидеть бандита, лежавшего на полу.

– Слышь, Зая, – Ирма уже начала повышать голос, – Ташку чуть не задушили. Изверг сейчас лежит в беспомощности на площадке, что тебе еще непонятно? Как кто его? Я. Нет, это был не ребенок, просто ты всегда меня недооценивал. У меня еще масса достоинств. Если я тебе покажу все, то тебе придется на мне жениться, а я этого пока не хочу. Так что ноги в руки – и бегом ко мне. Да как тебя в полицейские-то взяли?! Да я тебе уже десять минут объясняю, мы у меня.

– Ну все, бежит уже, – словно полководец, выигравший битву, Ирма гордо вышла в коридор. – О боже, Петрова, это что за кошмар?! – на всю квартиру завопила подруга.

Таша, ожидая, что хулиганы настигли их и здесь, приготовилась тихо упасть в обморок. Не умея справляться со стрессами, Наташа Петрова предпочитала заедать их на кухне, ну а в самых безвыходных ситуациях просто падать без чувств.

– Где? – оторвавшись от глазка, который показывал только противоположную стену, повернулась она на крик.

– Вот это что? – и без того огромными глазами Ирма уставилась на клетку.

– Суслик, – ответила виновато Таша.

– Зачем тебе суслик? – продолжала испытывать шок Ирма, она в принципе боялась животных, всех без исключения. Даже соседский милый шпиц был ею презираем. На колкие замечания Таши о том, что Будда, которого Ирма так любила цитировать, велел беречь природу, подруга гордо отвечала: «Я ее берегу, в том числе от себя».

– Так, объясни мне, зачем простому травматологу из поликлиники суслик? – еще раз уточнила Ирма, сморщив свой вздернутый носик.

– Мне его дали на время, – пояснила Таша, успокоившись и передумав лишаться чувств.

– Кто? – продолжала допрос Ирма, рассматривая странное животное.

– Суслик, – ответила Таша.

– Я уже поняла, что это суслик, спрашиваю: кто тебе его подсунул?

– Ну так Суслик, – спокойно ответила Таша, потирая болевшее горло. От грубых пальцев душегуба на шее остались огромные красные пятна, которые рисковали перерасти в синяки.

Ирма несколько секунд смотрела на подругу, потом под села рядом, вздохнула и начала молча гладить ее по голове. Таша не понимала, что происходит, но боялась спугнуть личный момент: вдруг для подруги это важно? Именно в эту минуту в дверь забарабанили. Обе девушки так испугались, что подпрыгнули на плетеной скамейке, что стояла в прихожей. Ирма же и вовсе всплеснула руками, и вместо поглаживания по голове получилась смачная затрепщина.

– За что? – почему-то шепотом спросила Таша.

– За суслика, – нашла Ирма.

– Принимается, – серьезно согласилась подруга.

Стук в дверь не прекращался, казалось, сейчас она заскрипит и сорвется с петель.

– А может, это Арсений? – предположила Таша.

– Он что, дебил – долбиться в дверь? Он все-таки полицейский, хоть и участковый, – обиделась за своего знакомого Ирма. – Он позвонил бы в звонок. Но посмотреть все же стоит.

Ирма на цыпочках подкралась к двери и посмотрела в глазок. Через секунду она из разведчика превратилась обратно в себя и, открывая засовы на дверях, философски сказала:

– Никогда, Ташка, слышишь, никогда не переоценивай людей, они могут бесстыже тебя подвести. Ну здравствуй, Зая, а в школе милиции тебя не учили, что звонить в дверной звонок более эффективно? Люди не так перепугаются, и есть вероятность, что все же откроют тебе. Хорошо еще, что я такая стрессоустойчивая.

Ирма, даже ругая Арсения, не упустила возможности себя похвалить.

– Так это, – оправдывался участковый, – у тебя звонок не работает.

– Seriously? – удивилась хозяйка дома.

– Вполне, – ответил Арсений, демонстрируя данную проблему нажатием на кнопку.

– А это сделал не ты? – сморщила лоб Ирма.

– Нет, – ответил участковый, сделав при этом исключительно честное лицо. Арсений был чуть ниже высокой Ирмы и имел упитанное телосложение, как он сам о себе отзывался. Лицо полицейского с потрохами выдавало человека доброго и отзывчивого, возможно, даже немного наивного. Ведь как еще можно было оправдать его безответную любовь к красавице Ирме? Только наивностью.

– Ну, тогда ты снова в списках.

Арсений не уточнил, в каких, потому как точно про это знал. Ирма любила шутить, что у нее есть списки потенциальных мужей, где она каждый раз сверяет их рейтинг. После слов о возвращении в заветные списки Арсений повеселел и со счастливой улыбкой спросил:

– А где поверженный хулиган?

На этих словах Таша тоже подскочила к двери, и они все уставились на пол лестничной площадки.

– Его здесь нет, – первой нашла Таша.

– А он должен был здесь быть? – уточнил Арсений, показывая на грязный пол. Девушки одновременно закивали головами.

– Вы его не связали? – уточнил Арсений.

Ответом ему снова были молчаливые кивки подруг.

– Я очень надеюсь, что вы хоть одним глазком посмотрели на его лицо и узнали хулигана, – попытывался участковый, но ответом ему были виноватые глаза девушек.

– Но я его сфотографировала, – радостно вспомнила Ирма и открыла телефон. На фотографии лежал мужчина лицом вниз, одетый во все черное.

– Ну что ж, – вздохнул Арсений, – пойдемте писать заявление на того, не знаю на кого. Эх вы, Пинкертонны.

* * *

– Хорошо, что Олеся укатила с подружками в Москву, – в сотый раз сказала Таша.

– Да, – также в сотый раз поддержала ее подруга и, вздыхая, добавила: – А ребенок-то наш вырос.

После того как Арсений взял показания и Ирма настоятельно попросила его уйти, девочки решили устроить пир. Когда-то в этот день шумел дом, наполненный гостями, пеклись пироги и придумывались конкурсы. Но вот наступило время, когда они вдвоем пировали на кухне. Таша, до сих пор не понимая, что это было на лестничной клетке и кто злодей, боялась идти домой, поэтому кутить решили у Ирмы. Разговоры не клеились, не спасало ни шампанское, ни деликатесы, которых в избытке накупила Таша.

– Ну давай, не кисни, – прикрикнула на подругу Ирма. – Детей надо уметь отпускать, нельзя их держать у своей юбки вечно.

– Я понимаю все, – сказала Таша, вытирая накатившие слезы.

– Вот давай лучше поднимем бокалы за мать нашей именинницы, то есть за тебя. Я желаю тебе встретить своего единственного мужчину и прожить с ним всю оставшуюся жизнь. Потому что дети – лишь гости в нашей жизни, а семья – это двое, мужчина и женщина.

Таша послушно подняла красивый бокал и пригубила.

– Я понимаю все, – вновь попыталась оправдаться за свои слезы Таша. – Ведь я жила и с мужем, и одна, и скажу тебе честно – одной намного лучше. Но только так я думала, пока Лисенок была маленькой. Сейчас, когда она выросла, я понимаю, что по-настоящему одинока. У меня пропадает смысл жизни, желание просыпаться, готовить завтрак. Зачем? Кому?

– Э, ты мне тут прекрати, – замахала руками Ирма, пытаясь разогнать плохое настроение подруги. – Жизнь не остановилась, а идет дальше, и это хорошо. Вон смотри, какого зверя тебе сегодня подарили. Это знак, что все наладится.

К слову, Ирма любила эзотерику и верила во всевозможные знаки.

– Не подарили, – всхлипывая, объяснила Таша, – а дали на время. До этого одноклассник обрызгал меня с ног до головы из самой грязной лужи на районе и спросил, толстая я или беременная.

– Вот сволочь, – в сердцах сказала Ирма. – И ты после этого у него взяла этого монстра. Да я бы не то что животину, я бы с ним...

Таша не дала подруге закончить фразу, потому как знала ее продолжение, а сейчас ей не хотелось никаких ругательств, на душе и так было паршиво как никогда.

– Он ни при чем, Ирма, я и правда неудачница, муж меня бросил тринадцать лет назад, а я до сих пор заедаю любовь к нему и наедаю килограммы. Это слабость, я слабый человек без стержня и любви к себе. Мямля, как говорил Валерик.

– Дурак твой Валерик, не говори глупости. – Подруга боролась за Ташину самооценку как никогда. – И не было никакой любви у тебя к нему, все тринадцать лет тебя грызет обида за предательство, подлое предательство, а ты красивая женщина, да-да, я не преувеличиваю, ты прекрасна даже в своем несколько увеличенном варианте. Посмотри, какие огромные голубые глаза у тебя. – Ирма схватила с туалетного столика зеркало для макияжа и поднесла к лицу подруги. – А губы? Да другие за такие губы тысячи каждый месяц отдадут, а ты награждена ими

от природы, как пионерский отряд вымпелом. Кстати, насчет полноты ты мое мнение знаешь, три месяца у меня на курсах – и будешь как новенькая.

У Ирмы была своя школа йоги, и она искренне считала, что ее собственная фигура настолько хороша именно благодаря каждодневным занятиям в зале. Таша с ней не спорила, но имела на этот счет свое мнение. Она знала наверняка, что это просто хорошие гены. Родители Ирмы были профессиональными спортсменами-фигуристами, выступали в свое время даже на чемпионате мира, правда, заняли там лишь восьмое место, но знающий человек поймет, что это уже победа. После окончания карьеры их судьба не сложилась, наступили трудные девятые, мать пошла работать на рынок, а отец запил. Так ему было легче переносить жизнь, которой, по его словам, он не заслуживал. Мать погибла под колесами лихача, когда Ирме было четырнадцать лет, после этого отец стал пить еще больше и пережил свою любимую супругу всего на четыре года. В общем, гены у Ирмы были спортивные, и Таша была уверена, что все дело в них.

– Еще, – продолжала перечислять ее достоинства подруга, – ты прекрасный доктор, тебя любят и ценят в поликлинике.

На этих словах Таша замотала отрицательно головой и сквозь слезы сказала:

– Меня сегодня уволили.

– Да, – вздохнула Ирма, согласившись, – сегодня не твой день, – и залпом опустошила свой бокал.

В комнате повисла тишина, тихая и вязкая. Каждый подумал о чем-то своем, и, судя по лицам, о чем-то очень печальном.

– А знаешь, Петрова, – вдруг решила что-то для себя Ирма, – завтра я раздам всем указания, и мы с тобой укатим на фазенду на целую неделю. Будем жарить шашлыки, пить вино с утра до вечера и рассказывать друг другу душещипательные истории.

Фазендой подруги называли покосившийся домик в пяти километрах от города. Когда-то это были просто сады за городом, куда приезжали люди для того, чтобы вырастить урожай и пополнить запасы на зиму. Но город рос, и садовый участок становился все ближе к нему, в конечном итоге став полноправным пригородом. Теперь там люди не только выращивали овощи, но и жили полноценной жизнью, построив себе большие загородные дома. Из-за близости к городу цена на участки выросла втрое, но Таша не продавала фазенду, доставшуюся ей, кстати, все от той же бабули Машеньки, которую она никогда не видела. Не продавала она, потому как это была не просто земля – это была ее отдушина, хоть домик на участке и был плохонький и жить в нем можно было только летом, зато сад был шикарен. А немногочисленные поездки из-за вечной занятости были сродни отпуску на море, который Таша по причине постоянного недофинансирования их с Леськой семьи не могла себе позволить. Ирма в последнее время неплохо зарабатывала и не раз предлагала оплатить долгожданное море, но Наташа Петрова была гордая и постоянно отказывалась, в душе жалея дочку Леську, что ей досталась такая непутевая мать. Как говорится, ни украсть, ни покараулить.

– Давай, я согласна, что я, отпуск не заслужила, что ли? – ответила вмиг повеселевшая Таша на предложение подруги.

Настроение сразу поднялось, словно они выбрали себе дальнейшую дорогу, прямую и счастливую. На этой мажорной ноте Таша взяла гитару, и подруги тихонечко запели, подкармливая эмоциями свое улучшающееся настроение:

В нашем городе Н. не идут дожди.
Мы их ждем, а они все где-то.
В нашем городе Н. лишь зима впереди,
А ведь не было даже лета.
В нашем городе Н. по ночам тишина,

Здесь не слышно сквозного дыхания.
Только старая дева, худая Луна,
Нам пророчит опять расставания.
В нашем городе Н. не хватает мужчин,
А красавиц, напротив, в избытке,
Панорамные окна грустных картин,
В них множатся чьи-то ошибки.
В нашем городе Н. тоскливо до слез.
Я сбежать хочу навсегда.
Но билетов нет, огромен в них спрос,
Да и страшно лететь в никуда.

На лестничной клетке стоял мужчина. Он, прижав ухо к двери, слушал неровное и немного горькое пение подруг. Сегодня он перенес стресс и от этого поступил опрометчиво, впредь наука ему будет: сначала подумай, а потом делай. От желания закончить все здесь и сейчас немного затрясло. В этих случаях ему всегда помогало одно – человек вытащил из кармана сосательную конфету «Барбариска» и положил в рот, истерика моментально отпустила. Это привычка из детства, отец бил его беспощадно, а мать просто стояла и смотрела, не в силах противостоять мужу-тирану. После она, словно извиняясь, давала ему, побитому и униженному, конфету, иногда сама клала ее в рот, потому что от побоев он не мог поднять даже руки. Годы прошли, отец давно умер, мать, парализованная, доживает свою жизнь в интернате для престарелых, но вкус этих конфет вьелся ему в подкорку, вполз в подсознание. Теперь только этот приторный вкус мог успокоить его, дать надежду на то, что все будет хорошо.

* * *

Юра Суслик смотрел в гостиничное грязное окно на родной город. Он только сейчас понял, какой провинциальный и грустный этот город Н., еще к скопищу серых домов очень подходило слово «депрессивный». Куда этому неудачнику сравниться с Карловыми Варами, городом, в котором жил последние пятнадцать лет ученый Юрий Павлович Суслик. Знаменитый город-курорт в Чехии был расположен в западной части исторической области Богемия, в уникальном месте, где сливаются воедино три реки – Огрже, Тепла и Ролава. Там, среди живописной горной местности, выходят на поверхность земли двенадцать источников с целебной минеральной водой. Красивые колоннады, словно хвастаясь одна перед другой, украшают спокойный город. По ним с утра до вечера гуляют почтенные люди и не спеша пьют полезную во всех отношениях воду. Прodelывают это они обычно из специальных кружек, которые продаются здесь же в огромных количествах. Пить из них полагается небольшими глоточками из трубочки, которая в этой кружке служит и ручкой. Карловы Вары – город небольшой, но он не шел ни в какое сравнение с родиной Юрия. Там хотелось жить и творить, он был солнечный и жизнерадостный, он давал надежду на счастливую жизнь, он лечил, чего не скажешь о картинке, которую сейчас наблюдал в окне Юрий.

Странности судьбы, но сейчас именно этот провинциальный и нелепый город Н. был последней надеждой на спасение и огромной надеждой на счастье для Юрия Суслика. Если бы маленькому забитому ботану Юрке сказали, что у него случится такое счастье, если бы он хоть одним глазком увидел ту любовь, которая возникнет в его жизни, он бы не поверил. Еще в детстве, в голодном детстве с рванными ботинками и застиранными рубашками он понял, что для таких, как он, у Бога не припасено ничего хорошего. Когда бабуля, вздыхая, проговаривала: «На все воля Божья», – Юрка с ней соглашался. Потому как по-другому оправдать, почему одним все, а другим ничего, было маленькому мальчишке очень сложно. Когда он вырос, то

решил бороться с судьбой всеми возможными для себя способами. Сначала уехал поступать в Москву и поступил, потом нашел работу за границей в закрытом исследовательском центре, где, к слову, он сразу стал расти по карьерной лестнице и к моменту своего побега был уже заведующим лабораторией. Его ценили, охраняли и опекали, ему эта забота безмерно нравилась, пока Юрий не понял, что это не забота – это тюрьма, и выход из этой системы только один – на кладбище. И в этом случае Юрке Суслику тоже несказанно повезло, видимо, права была баба Зоя, любит Бог Юрку, видимо, дошли до адресата молитвы, которые старенькая Зоя Суслик каждый день отправляла Господу, ставя свечку в местной церкви. Началось все год назад, его коллега из соседнего отдела поделился с ним радостью.

– Ты знаешь, Юрик, – коверкая слова, говорил Анджей, он был поляк, но мог сносно изъясняться по-русски. Компания в их центре подобралась интернациональная, между собой в основном говорящая по-английски. Поэтому Юра и Анджей иногда пользовались этим и говорили по-русски, чтобы их коллеги не могли понять, о чем они беседуют. – Я решил уехать, мама после смерти отца постоянно плохо себя чувствует. В прошлом году, помнишь, ездил домой, вот как раз на похороны и поспел. Уезжал с тяжелым сердцем, а сейчас решил: всех денег не заработаешь. С моим опытом я могу и в Польше работу найти, возможно, не такую интересную, – Анджей, как настоящий ученый, измерял работу не деньгами, а величиной открытий, – но зато буду рядом с матерью. Мне запретили кому-нибудь об этом говорить, осторожность, ты же знаешь, – улыбнулся Анджей. – Но я тебя знаю, ты могила. Так что через месяц я исчезну, ты мне звонить не сможешь, но как только и ты решишь уйти из центра, то знай: я всегда тебе рад, – и положил на стол листок, перевернутый написанным вниз.

Юра тогда не обратил никакого внимания на данное обстоятельство, листок сунул, не прочитав, в карман своего халата и забыл. Вспомнил он о нем, лишь когда через неделю страшная новость разнеслась по всему центру: Анджея сбила машина насмерть. И это где? В Карловых Варах, где движение до оскомины тихое и дисциплинированное. Именно тогда страшный холодок пробежал по спине Юрия. Когда же он прочитал то, что написано на листке, так беспечно оставленном в кармане рабочего халата, мир рухнул, и то, что оказалось за его руинами, было в черных тонах.

«Милый друг, – писал Анджей по-русски, – мне кажется, что меня не отпустят, уже год я веду переговоры, но меня всячески уговаривают. Устав от моих настоятельных просьб, начальник вчера согласился, но, когда он подписывал мое заявление, мне на секунду показалось, что он подписывал мне смертный приговор, уж очень жалостливо он на меня смотрел. Возможно, надумываю, но я хочу, чтобы ты знал: я всегда перехожу улицу на зеленый сигнал светофора и никогда не хотел покончить жизнь самоубийством. Надеюсь, что мы с тобой обязательно увидимся, а это всё мои нелепые страхи. Твой друг поляк Анджей».

Вот так Юра узнал, что обречен на вечное рабство. Судьба, видимо, играя с ним, именно в этот момент, когда малодушный Юра почти смирился со своей участью, послала ему любовь. Она пришла оттуда, откуда меньше всего он ждал, но главное, что пришла. Огромная и горячая, как вулкан, сметающая все на своем пути потоками чувств – все другие чувства: страх, отчаяние и безысходность. С появлением этого незнакомого до сих пор чувства стало еще горше ощущать свою беспомощность. Правду говорят, что любовь города берет, хотя, возможно, это писалось о смелости, но когда появляется любовь, то идет в комплекте с этим чувством. В общем, Юра стал придумывать план, как можно выйти из положения, бросив на это все свои интеллектуальные силы. Самое главное, что он теперь предупрежден, значит, вооружен, он не пойдет, как Анджей, напрямик, он всех обманет.

– У меня все получится, – вслух сказал Юра и испугался собственного голоса, он прозвучал глухо в пустом номере отеля, словно чужой.

Юра не предполагал, что когда-нибудь увидит этот город снова, да что там, он был уверен, что не вернется даже в Россию. Когда через несколько лет упорного труда и, честно ска-

жем, больших достижений руководство выбило для него гражданство Чехии, у Юры был порыв сжечь российский паспорт. Хорошо, что он тогда не поддался эмоциям, сейчас «пурпурная книжица», как писал Маяковский, ему очень помогла. Ну и конечно, как всегда, выручила баба Зоя, царствие ей небесное. Самый добрый, самый родной и любимый человек для Юрия. На похороны он не успел, надо было собраться и закончить все дела, поэтому для начальства была придумана версия о том, что ему плевать на бабу, а вот квартиркой он не побрезгует, поедет в наследство вступать через полгода. Европейцы – люди прагматичные и умеющие считать деньги – приняли эту версию как разумную и разрешили ему отпуск в Россию. Общаясь на вполне сносном чешском языке с начальством, Юрий мысленно попросил прощения у любимой бабушки в надежде, что она все видит и все понимает.

Неужели он выскочит из этого ада? Границу прошел без приключений, в городе слежки тоже не заметил. Спокойно, он все просчитал, сейчас Юрий еще был им нужен, и его не будут устранять. Боже, как вовремя умерла бабуля, словно хотела своим уходом спасти его, своего Юрка, умненького и несчастного, как любила она его называть. Он верил, что баба Зоя сейчас сидит на облаке и помогает ему, а как по-другому можно объяснить его сегодняшнюю встречу с Петровой, этой зазнайкой? В школе это была самая красивая и самая умная девочка в классе, да что там в классе, во всей параллели. К ней боялись подойти самые смелые мальчишки школы, что уж говорить о Юрке Суслике. Он просто любовался ею со стороны, по ночам пачкая блокнот глупым графоманством. Корявые строчки складывались в предложения, где он объяснялся красавице в любви и восхвалял ее голубые глаза. Но не встрече со своей детской любовью обрадовался Юра, хотя было приятно посмотреть, что стало с той, которая ни разу даже не взглянула в его сторону, и гаденько порадоваться. Быстро оценив простоту ее вещей и наивность глаз, которая осталась, кажется, еще со школы, Юра понял, что именно она ему поможет, сама не подозревая об этом. И даже то, что Наташка Петрова теперь живет на другом конце города, было на руку Юрию. «Спасибо, баба Зоя, за твою помощь, остался последний шаг – и я спасен». В руках, как спиннер, крутилась золотая зажигалка ZIPPO, его плацебо, его страховка и его план Б или план В. Юрий Суслик настолько хотел, чтобы у него все получилось, что он нагородил этих планов столько, что сам боялся запутаться и надеялся, что обязательно запутаются другие.

В этот момент в дверь постучали, тихо, словно человек не до конца решил, хочет ли он войти. Юрий подошел и, открыв дверь, растерялся.

– Ты? – удивился он.

– Можно пройти? – почему-то тихо спросил человек, оглядываясь в коридор, словно проверяя слежку.

– Если опять будешь уговаривать, то уходи, у меня завтра трудный день, и я все решил, – продолжая стоять в дверях, устало сказал Юра.

– Нет, не буду, – односложно ответил ему человек.

– Ну тогда проходи, – устало сказал Юрий, не зная, что где-то на облаке в этот момент баба Зоя расстроено заплакала.

1914 год, осень, Царскосельский госпиталь

Осень господствовала за окном, срывая листву с деревьев и заливая землю дождем. Но корнет лейб-гвардии уланского ея императорского величества Александры Федоровны полка Дмитрий Яковлевич Малама все равно был в отличном настроении. Сегодня он снова увидит великую княжну, ему оказывается огромная честь, ведь именно Татьяна, дочь императора Николая Второго, вызвалась снова везти его на прогулку. Нога заживала плохо, и поэтому на воздух его возили сестры милосердия в инвалидном кресле. Сначала молодой и резкий Дмитрий всяко сопротивлялся этому, но, когда это предложила

сделать великая княжна, он сдался. Их прогулки стали постоянными и вызывали в душе раненого новое, не испытанное доселе чувство – любовь. Татьяна была не просто мила – она оказалась прекрасной собеседницей и очень красивой девушкой. Он раньше не встречал таких. Дмитрий был влюблен и старался покорить объект своего обожания. Корнет мысленно готовился к их встрече, придумывая забавные истории и занимательные факты, чтобы всячески завоевать внимание великой княжны. «Душка» Малама, как звала его Татьяна, боялся даже думать, но ему казалось, что и дочь самого императора, та, о которой и мечтать-то было страшно, отвечает ему взаимностью. Конечно, Дмитрий знал, что у Татьяны намечался жених – сербский принц Александр Карагеоргиевич, но ведь война заставила отложить помолвку. Дмитрий Яковлевич Малама искренне считал это делом providения. Вообще война была повсюду на руку Дмитрию, ведь он уже сегодня герой. Даже с тяжелым ранением он не покинул поле боя, а продолжал яростно сражаться. За что, кстати, был награжден золотой саблей, на которой была высечена надпись «За храбрость». Вручала ему георгиевское оружие сама императрица Александра Федоровна и лично похвалила его. Ко всему еще и фотография в журнале «Огонек» будет вместе с остальными героями. Дмитрий был по натуре оптимистом и считал, что в этом мире возможно все, только надобно это старательно заслужить. А уж служить он умел, для этого он имел в избытке и храбрость, и волю, и образование, которое получил, надо сказать, не где-нибудь, а в самом Пажеском его императорского величества корпусе, из которого выпущен был по первому разряду.

– Здравствуйте, Дмитрий. – В палату вошла Татьяна, и ему на мгновение показалось, что все вокруг озарилось солнцем.

– Как я рад вас видеть, – ответил он и попробовал, как всегда, встать, но боль в ноге отзывалась тысячами иголок.

– Что вы как маленький? – Татьяна попыталась усадить его обратно. – Мы же с вами договорились – никаких церемоний, вы больной, а я сестра милосердия. Вот когда ваша нога будет здорова, а враги повержены, мы с вами обязательно потанцуем.

– Не забудьте о своем обещании, – сказал Дмитрий, не сводя глаз с великой княжны. Он был молод, красив и умен. Дмитрий Малама был из дворян, и благородство читалось в каждой черте его лица, а любовь выплескивалась, делая его еще привлекательней.

– Это вы не забудьте о своем желании, – пошутила Татьяна.

– Я живу только им, – впервые столь откровенно сказал о своих чувствах Дмитрий. – Могу я вас просить что-нибудь подарить мне, чтоб часы ожидания встречи с вами были не столь тягостны?

– Вы меня застали врасплох, – ответила Татьяна, опустив в пол глаза, лицо ее покраснело, а сердце забилося чаще. – Я подумаю. – Но, вспомнив, зачем она здесь, улыбнулась и весело сказала: – Корнет Малама, вы готовы к прогулке под дождем?

– Это мое любимое занятие, – счастливо ответил Дмитрий. – Ну конечно, после перевязки, что делает Мария.

От сказанного они вместе весело засмеялись, это была шутка, понятная только обитателям Царскосельского госпиталя, так как сестра милосердия Мария Цыль имела обыкновение все делать больно и неаккуратно.

* * *

Таше снилась Испания, в которой она никогда не была, а лишь мечтала о ней, частенько пересматривая множество передач путешественников. Небольшой зал для фламенко забит до отказа, а посередине танцует девушка необыкновенной красоты. Ее яркое красное платье развевается, ноги выводят красивые па, а кастаньеты в руках отбивают ритм. Такие кастаньеты

Таша специально купила в интернете, как дань мечте. Девушка входит в азарт, и танец становится все быстрее, а звук – все громче, пока в какой-то момент он не становится невыносимым. «Разве она не понимает, что он портит весь танец?» – думает Таша и просыпается. Окружающая обстановка сразу рассказала ей, что она дома, вернее, у Ирмы, что для Таши было одно и то же, а вот звук от кастаньет не пропал, а стал еще громче.

– Таша, утоми свое животное, иначе это сделаю я, – медленно выговаривая каждое слово, сказала Ирма. – И поверь, ему это не понравится.

Подругу Наташа обнаружила рядом на диване. Голова от выпитого вчера болела, а стук кастаньет, вернее, странный звук, издаваемый сусликом, только усиливал данное обстоятельство.

– Наверное, он хочет есть, – выступила в защиту животного Таша.

– Логично, – медленно подтвердила Ирма, словно каждый звук, издаваемый ею, мог кому-то навредить. – Иди и дай ему то, что он требует, пусть заткнется.

Наташка поняла, что сделать это сейчас не в состоянии, поэтому решила оттянуть неприятный момент.

– Почему ты спишь здесь, а не в спальне? – поинтересовалась она у подруги.

– Тебя успокаивала, – без подробностей объяснилась Ирма.

– Зачем? – потребовала их Таша.

– Не знаю. – Ирма явно хитрила и тоже не хотела разговаривать.

Поняв, что ничего так и добьется от подруги, Таша встала и пошла кормить зверька. Не хватало еще того, что он сдохнет и придется держать ответ перед его хозяином. «Юрка, по моему, очень им дорожит, раз через границу ташил». Зверек стоял на задних лапах, словно человек, распушив свой шикарный черный хвост.

– Ты, Дуса, больше похож на белку, чем на суслика, – сказала Таша, насыпая корм в специальную корзинку. Юрка не соврал – клетка и правда была сделана очень удобно. Корм хранился в ней же в боковом шкафу, и можно было всего лишь одним нажатием кнопки насыпать его в корзинку. Маленькие шарики корма посыпались и наполнили доверху пустую емкость.

Суслик тут же прекратил кричать и начал быстро засовывать себе в пасть шарики, словно человек, который не ел неделю.

– Скучаешь? – на полном серьезе спросила Таша у суслика. – Не скучай, он завтра тебя заберет, он обещал. Я вот тоже скучаю, но Леська приедет, и мы вдвоем рванем на фазенду. Жаль, что тебя уже с нами не будет. Знаешь, у нас там здорово: свежий воздух, большие плодовые деревья создают тень, и самая уютная на свете беседка.

Таша сидела, положив голову на кулак, и хвасталась суслику. Вчерашнее настроение улетучилось, и надежда на светлое будущее снова замаячила на горизонте.

– Хватит травмировать хомяка своими богатствами, зависть у него уже из мозгов выпирает, как ему после этого в клетке жить прикажешь с такой информацией?

В кухню вошла Ирма, которая, несмотря на раннее утро, после вчерашнего торжества выглядела великолепно, чего не скажешь о Таше.

– Значит, так, я сейчас на работу, – привыкшая командовать у себя в студии Ирма делала это и дома, – а ты дуй в магазин и закупайся продуктами. Завтра приедет Леся, и мы рванем на фазенду прямо с утра.

– Не могу, – равнодушно ответила Таша. – У меня дела.

– И какие такие дела у новоиспеченной безработной появились? – Ирма, как всегда, развила вокруг себя бурную деятельность. Все шипело и шворкало, кофе расточал свои магические запахи, а поджаренный тост украшала смесь из авокадо, покрытая ломтиком лосося. Рядом остывало яйцо пашот, украшенное веточкой рукколы. Ирма умела делать все не только быстро, но и красиво. В ее руках обычный завтрак превращался в произведение искусства.

Таша залюбовалась подругой. «Вот как может такое красивое создание быть одиноким?» – подумала она.

– Ир, почему все так? – коряво выразила свою философскую мысль Таша. Но подруга ее поняла, наверное, за долгие годы не просто дружбы, а совместного выживания они научились читать мысли.

– Потому что нет в жизни справедливости, – серьезно ответила Ирма.

– Принимается, – вздохнула Таша.

– Так что у тебя за дела?

– Мне надо на работу зайти, вещи забрать. Я вчера такая обиженная уходила, столько наговорила, – сморщилась Таша, словно повторно переживая день-неудачник.

– Ничего, я уверена, что по делу. Кстати, может, расскажешь, что случилось? Из-за чего у нас травматологов так резко увольняют?

– Полезла не в свое дело, – откусывая бутерброд, со вздохом ответила Таша.

– Поясни, – попросила Ирма, она уже закончила завтрак и ловко накладывала макияж.

– У меня есть пациентка, можно сказать, уже постоянная. То руку сломает, то ногу, то ребра. В прошлом году пальцы на руках переломала, жуть.

– А что такое? Кости хрупкие? Пусть кальций пьет. Или мисс Неудача? А может, пьет?

– Да в том-то и дело, – было видно, что Таше жалко женщину. – Все у нее нормально с костями, да и с алкоголизмом тоже, хотя с таким мужем... В общем, я сразу заметила, что все эти переломы рукотворны.

– Муж бьет? – догадалась Ирма.

– Пациентка упиралась до последнего, что сама упала, но в последний раз у нее пальцы на ногах были сломаны. Причем не все вместе, ну, например, упало на ногу что-то тяжелое, а каждый в отдельности. Когда я ей сказала, что вызываю полицию, а ее версия о том, что на ногу упал кирпич, не подходит, она расплакалась и рассказала о насилии в семье. Оказывается, муж бьет не только ее, но еще и двух маленьких сыновей. Но их старается бить не сильно, обходится синяками, а вот на нее выплескивает всю свою злость.

– За что? – спросила Ирма, было видно, что она под впечатлением от услышанного.

– Я задала тот же вопрос, так вот ответ меня убил: «За дело». Не вымыла посуду – затрепщина, опоздала домой с работы – еще. Представляешь, она считает, что это «за дело».

– Да, дела, себя не жалеет, так хоть бы детей пожалела. Они же у такого папаши маньяками вырастут со сломанной психикой. Между прочим, доказанный факт: дети, терпящие насилие в семье и видевшие, как избивают их мать, вырастают с глубоким непониманием смысла любви и близости. – Ирма знала, что говорила, по первому образованию она была психолог.

– Ну вот, я вместо мамы и пожалела, – виновато сказала Таша. – Пошла в полицию и написала заявление на сатрапа.

– Хороший порыв, тебя не оценили? – усмехнулась подруга.

– Нет, этот папаша оказался депутатом нашей городской думы, да и вообще человеком обеспеченным, в том числе и друзьями. Жена избивание не подтвердила, к детям, само собой, никого не подпустили, а он подал на меня заявление за клевету.

– Вот урод, – в сердцах сказала Ирма.

– Но ему показалось этого мало, он надавил на нашего главврача, и меня вчера уволили. Ну, не уволили, а попросили написать заявление по собственному желанию. Главный сказал, что это самое большее, что он может для меня сделать. Иначе ему придется искать причину, чтоб уволить по статье, а это волчий билет, с которым в медицину мне путь будет заказан.

– Слышь, подруга, – всплеснула руками Ирма, – а не этот ли неадекватный папаша вчера тебя душил?

– Наверяд ли, это такой тип – домашний тиран, – не поддержала версию Таша. – Плюс ко всему ты его не видела: настоящий павлин с выглаженной белоснежной рубашкой, от которого пахнет за версту дорогим парфюмом, а от вчерашнего хулигана пахло детством и неухоженностью.

– Детством? – удивилась Ирма.

– Да, детством, – растерялась Таша. – Я не могу понять почему, но у меня такая ассоциация в мозгу всплыла. Да и зачем такому влиятельному дяде мараться, он и так меня растоптал. Впереди еще суд за клевету, ему нужно мое унижение.

– Ну, так-то да, – согласилась Ирма. – Все, мне пора бежать, больше никого не спасай, помни: нельзя спасти того, кто этого не хочет.

– Да я не из-за нее, я из-за детей, – оправдывалась Таша, но Ирма ее уже не слышала. Она выбегала из квартиры, одновременно отвечая на телефонный звонок:

– Да, Ирма Майба слушает. Что значит не получается? У нас с вами договор.

Ее каблуки стучали по ступенькам, отдаляясь от квартиры, а Таша размышляла: что, если вчера действительно был обиженный домашний тиран? Что, если он решил разделаться с ней не только морально, но и физически, наняв какого-нибудь наркомана? От этих мыслей мурашки побежали по коже, а руки, закрывая входную дверь на все засовы, неприлично задрожали.

* * *

Ирма ехала привычной дорогой к своему «Центру йоги и здорового образа жизни». Это было ее детище, которое она построила собственными руками в прямом и переносном смысле. Когда однажды ей посчастливилось слетать в Индию и встретиться с Далай-ламой, после того как она услышала, как и о чем он говорит, Ирма пропала. Жизнь в одно мгновение изменилась, и ей захотелось изменить ее для других. Изначально идея была больше просветительская, чем коммерческая. Ей хотелось осчастливить весь мир, подарить гармонию и ощущение радости жизни. Позже она поняла, что может на этом зарабатывать, что было тоже неплохо. Таким образом в ее жизни объединились два понятия, которые многие люди считают несочетаемыми, – это бизнес и хобби. Когда она брала кредиты для покупки помещения и ремонта студии, многие вокруг крутили у виска, считая ее сумасшедшей. Но благодаря трудолюбию и личному отношению к работе все получилось. Кредиты удалось вовремя погасить, сейчас же студия давала уже неплохие дивиденды. Персонал она подбирала лично и скрупулезно, считая, что это самое главное в ее работе.

Лишь Ташка, родной человек, всегда была на ее стороне. Когда Ирма уже падала духом и хотела сдаться, она говорила: «Ничего страшного, продадим одну квартиру, будем жить вместе, всегда есть выход, главное, знай, что ты не одна, у тебя есть мы с Лесей». И от этих слов появлялись силы и уверенность в себе, Ирма собиралась и шла дальше.

В душе она знала, почему у нее не сложилось в личной жизни. Когда другие знакомились и встречались, расставались и влюблялись, Ирма работала долго и усердно, по кирпичику выстраивая свою империю, свое царство радости и счастья. Нет, конечно, мужчины в ее жизни были, одни проходили долгой линией, в основном принося расстройство и слезы, другие же были маленькими точками на огромном белом листе под названием «личная жизнь», почти незаметными и оттого совершенно ненужными. Всех их Ирма помнила и всех простила, скорее всего, потому что не любила, она искренне считала, что нельзя простить, если еще любишь. Вот, к примеру, Ташка своего Валерика до сих пор забыть не может, хотя и прошло уже тринадцать лет, как он ушел. Нет, всем она, конечно, говорит, что выгнала мужа сама, устала тащить и ребенка, и «большое дитя», но Ирма-то знала эту историю изнутри, знала и жалела подругу как могла. Валерик, работая дальнбойщиком, все пять лет жил на две семьи, причем в другой,

неофициальной семье у него было к моменту его провала уже трое детей. Ему нравилась такая жизнь, а вот его неофициальной второй половине – нет, поэтому она заявила со всеми троими к Ташке для разглашения страшной тайны. Естественно, она надеялась, что официальная жена выгонит гулящего мужа, и не прогадала, так Ташка и сделала. Валерик просил прощения, говорил, что любит только ее и такого больше не повторится, но Ташка уже не верила ни ему, ни другим представителям противоположного пола. Никому не пожелаешь пережить такое предательство, особенно от того, кого любишь, а Ташка любила. Даже сейчас Ирма иногда замечала, как подруга, думая, что ее не видят, с нежностью смотрит на их свадебное фото.

На этих мыслях произошло то, чего она меньше всего сейчас ожидала, – Ирма почувствовала удар, машина дернулась, и она инстинктивно резко нажала на тормоз. Больно ударившись о лобовое стекло, она схватилась за голову, что-то горячее медленно текло по лицу. Три секунды ушло на понимание того, что случилось. В зеркале заднего обзора отражался большой черный внедорожник, который въехал в ее маленькую машинку, неуклюже подмяв под себя багажник.

– С вами все в порядке? – Мужчина выбежал из большой машины и забарабанил в ее окно. Ирма была словно в тумане, не понимая, чего он хочет от нее, но все же открыла дверь.

– Вам срочно нужно в больницу, – закричал незнакомец и, подхватив ее на руки, словно она не весила ничего, понес к себе в автомобиль. Все происходило очень быстро и никак не сочеталось с медленным пониманием происходящего Ирмой. Большая машина летела на огромной скорости, и дома, деревья, билборды мелькали в окне, не давая на них сосредоточиться.

– Моя сумка, – это единственное, что успела сказать Ирма за все время этой стремительной поездки.

– Я закрыл вашу машину. – Водитель помахал в доказательство ключами. – Не беспокойтесь, я вам привезу ее.

Потом приемный покой, доктора, медсестры и боль, которая становилась меньше и меньше, словно отпуская Ирму из своего плена. Последнее, что помнила она перед тем, как отправиться в страну Морфея, – это красивое лицо своего то ли спасителя, то ли обидчика.

* * *

Клим стоял на платформе родного города и старался дышать глубоко, наслаждаясь утренним летним воздухом. Здесь он был особенным, здесь он имел оттенок детства и юности. Особенно сейчас, летом, именно этот теплый воздух ассоциировался у Клим с каникулами и полной свободой. В нем были нотки речки, костра и ухи, а также смешливых девчонок и бесконечного счастья. Тогда Клим, выросший в полной и счастливой семье, искренне верил, что он непременно встретит свою вторую половинку, у них будет целая клумба цветов жизни разного формата, а любить друг друга они станут, пока не умрут в один день, причем последнее условие обязательно. И вот сейчас он стоит, дышит тем воздухом надежды и счастья, сорокалетний, разведенный, детей нет, да и любви настоящей в жизни ни разу не испытал. От грустных мыслей об итогах своей не очень-то удачной жизни ком встал в груди и досада горьким привкусом засвербела в горле.

Только сейчас, в эту самую минуту, на грязном перроне города Н. Клим подумалось о родителях: а ведь им, наверное, больнее, чем ему. Он всю жизнь погружен в свою работу, которая стала для него всем, и семьей в том числе, и подумать о том, что в его жизни что-то не так, просто не хватало времени. Родители же постоянно думали об этом и переживали его пробел в личной жизни каждый раз сильнее. «Непременно ищут причины в себе, думают, что воспитали меня неправильно, молятся обо мне, и душа у них болит не переставая». Недавно мама начинала каждый свой звонок с вопроса, не встретил ли ее ненаглядный мальчик

свою принцессу. В начале своей супружеской жизни Клим обижался на этот вопрос и говорил: «Мама, я женат». Вику она никогда не воспринимала серьезно, вздыхая, говоря: «Не тот это человек, сынок, она просто пассажир в твоей жизни,пусти ее». В постоянном вопросе про принцессу читалась глубокая боль, прикрытая неловкой иронией. Получается, он разочаровал родителей, не оправдал их надежд. Плюс ко всему работу выбрал не ту, какую они для него желали, как мальчишка взбунтовался и уехал в Москву, демонстративно не принимая помощь, которую мама слала каждый месяц втайне от папы. Отец крепко тогда обиделся на него и не разговаривал с сыном два года. После мама их все-таки помирила, но недосказанность осталась. Он больше не лез со своим взглядом на жизнь сына, но и работой Клина не интересовался, молча уходя из комнаты, когда Клим рассказывал матери какие-нибудь интересные истории, связанные с его работой.

– Климашка, – услышал он голос матери и вздрогнул. Мама, как всегда очень красивая, почти бежала по пустому перрону. Пока он предавался воспоминаниям, редкий народ, что сошел с ним на станции города Н., уже разбежался, поезд тоже, простояв всего пять минут, словно его тяготил этот город, поспешил отправиться дальше.

– Мама, ты, как всегда, красавица.

Клим знал, что мама очень любит комплименты именно от него, к тому же это было абсолютной правдой. Интеллигентность и стиль были ее визитной карточкой даже в шестьдесят. От мамы пахло дорогим парфюмом и клубникой.

– Зачем ты?.. – возмутился, обнимая ее, Клим. – Я же сказал, что сам доберусь, тебе не стоило беспокоиться.

– Какое беспокойство, ты о чем? – Мама улыбалась и была абсолютно счастлива, целуя своего ненаглядного Климашку куда придется. Ему вновь стало перед ней неудобно – не оправдал надежд.

– Мам, мы с Викой развелись, – сказал Клим, решив сразу поставить все точки над «и» и не ждать неудобных вопросов.

– Слава богу, – выдохнула мама, словно услышала самую долгожданную новость. – Теперь у тебя появится возможность встретить по-настоящему твоего человека.

Мама ничуть не расстроилась новостью, а даже, казалось, вздохнула спокойно. Но Клим решил, что хватит тешить родителей пустыми надеждами, и возразил:

– Мам, я думаю, что не всем в этой жизни выпадает такая удача, – начал философствовать Клим, когда они сели в ее огромный черный внедорожник. Он всю жизнь любовался тем, как мама водит машину – ловко и с любовью.

– Ты о чем?

– Ну, про встретить, – замялся Клим, не зная, как помягче выразить свою мысль. – Вот тебе суждено было, а мне, например, нет.

– Глупости, – весело захохотала мама, высоко поднимая голову. Смеялась она всегда громко и от души, так что и окружающим ее людям хотелось улыбнуться. Клим не досталось от нее этого качества. Он был спокойным и малоэмоциональным, как отец. Именно это вроде бы хорошее качество мешало ему в жизни – в его жизни не хватало эмоций. Он и внешне был похож на отца: стандартного телосложения, стандартной, ничем не примечательной внешности, как любили говорить ему преподаватели в институте: «Ты, Клим Январь, прирожденный шпион с самой незапоминающейся внешностью, что в нашей работе просто подарок».

– Ничего не глупости. – Клим рядом с матерью снова чувствовал себя маленьким и глупым. Ему безумно нравилось это чувство, возможно, он даже делал это нарочно, чтоб вновь окунуться в детство хотя бы на секунду.

– Запомни, Климашка, – мама перестала улыбаться, и он понял, что сейчас она скажет что-то серьезное, – в жизни никогда ничего тебе не дается просто так. Только закрыв одну дверь, ты сможешь открыть новую.

– Ну вот я ее и закрыл, – не стал спорить Клим.

– Да, но она у тебя последние полтора года была приоткрыта постоянно, и из нее страшно дуло. – Мама снова улыбнулась. – Надеюсь, ты ее не просто закрыл, а еще чем-нибудь припер. Помнишь, как в старом анекдоте:

«– Мойша, ты дверь на замок закрыл?

– Закрыл, – отвечает тот.

– А цепочку повесил?

– Повесил.

– А щеколду закрыл?

– Закрыл.

– А шваброй припер?

– Забыл.

– Ну вот! – восклицает жена. – Заходите, люди добрые, берите что хотите».

Рассказав анекдот, который Клим слышал много раз, мама засмеялась заразительно и громко, словно сама услышала впервые эту маленькую одесскую историю.

– Понимаешь, сынок, если ты хочешь каких-то перемен в своей жизни, необходимо самому сначала изменить ее течение, изменить привычки, город, друзей, хобби. Лишь тогда появится шанс на перемены. А сидеть на одном месте и рассказывать всем, как ты желаешь встретить человека, – по меньшей мере глупость и надежда на чудо. Помнишь русскую пословицу: «Под лежащий камень вода не течет»?

– А как же «судьба и на печке найдет»? – решил потягаться с мамой в знании пословиц Клим.

– А эта – она не работает, – засмеялась мама. – Все, мы приехали.

Клим огляделся. Пока они с мамой болтали, он совсем упустил их маршрут и сейчас не понимал, где они.

– Это что? – спросил он, показывая на красивый резной забор, за которым высился коттедж странной, но интересной конструкции.

– Это наш дом, – гордо ответила мама. – Помнишь, как у Чебурашки: «Мы строили, строили и наконец построили».

– Красота, – восхитился Клим. От калитки в глубину двора вела тропинка, с двух сторон засаженная высокими соснами. – Отец дома? – немного взволнованно спросил он.

– Нет, – спокойно, словно не заметив дрожащего голоса сына, ответила мама. – Он тоже хотел тебя встретить, но у него на работе проблемы, которые требовали срочного вмешательства. Не надумывай, – улыбнулась мама, словно подтверждая свои слова. – Он давно уже не злится на тебя, а как узнает о твоём разводе, и вовсе обрадуется.

– Меня уже начинает пугать ваша безудержная радость по этому поводу, – проворчал Клим, рассматривая впечатляющий дом. Он был именно таким: крыша шла ломаной линией и держалась на внушительных колоннах разной высоты, от этого она прыгала, то поднимаясь вверх на пять метров, то опускаясь почти к самой земле на колонну не больше метра. Стены в доме все были из стекла, а вокруг него шла терраса из дерева в форме кормы большого корабля. Клим стоял, восхищенно оглядывая шедевр.

– Сам делал? – спросил он восхищенно.

– Конечно, – гордо ответила мама, тоже любуясь шедевром, словно видела его впервые.

Отец был архитектором от бога, в советское время в городе Н. по его проектам были построены дома, школы, садики. Позже, после наступления «голодного капитализма с русским лицом», он открыл свою строительную компанию. Так как отец был хорошим специалистом и работал на износ, она выжила в девяностые и развилась в двухтысячных. Сейчас это была самая большая и современная строительная фирма в городе. Отец уже давно не проектировал ничего сам, ссылаясь на занятость.

– Для меня проект был сюрпризом, – рассказывала мама, показывая еще недоделанный сад, в котором вовсю шли работы. – Он принес и сказал: «Маша, давай мы с тобой построим “дом для друзей”, как Чебурашка с крокодилом Геной». А когда я увидела проект, то загорелась домом вместе с ним. Ему очень хотелось, чтоб ты оценил его творчество, – глядя в глаза сыну, добавила мама.

– Мам, это шедевр, – от души сказал Клим, и та зарделась, словно это ее похвалили.

Вдруг из дома выбежал большой лабрадор, высунув язык и стараясь от возбуждения не запутаться в собственных ногах, и побежал в их сторону.

– Зинадин, родной, – раскинув руки, обнял радостное животное Клим. – Как ты вырос.

– Скорее постарел, – грустно сказала мама. – Но тебе радуется, как мальчик.

Зинадин был любимцем в доме, но сам он выбрал в любимцы себе Клим. Сколько мама и отец ни пытались растопить и даже подкупить его собачье сердце, оно навеки принадлежало Климу.

– Почему твое умение обольщать не действует так на девушек? – засмеялась мама.

– Оно распространяется, мамуля, у меня исключительно на красивых псов, – ответил Клим, а Зинадин, словно поняв его слова, смачно лизнул его щеку.

В этот момент телефон в его кармане завибрировал, он не любил громкие звонки и убавлял их на самый минимум. На экране высветилось «Даймонд», это была детская кличка друга, с которым они знали друг друга так давно, что первую встречу вспомнить было уже невозможно.

– О, мам, Димка Арбенин звонит, откуда он узнал, что я в городе? Ты сказала?

Мама в ответ отрицательно помотала головой.

– Алло, – ответил на звонок Клим. – Даймонд, ты экстрасенс, что ли? Как узнал, что я приехал? Еще вчера утром я даже не мечтал об этом, – весело прокричал он в телефон, но улыбка медленно сползала с его лица, Клим побледнел, выслушал и уже тихо спросил: – Как убили, когда? – Через мгновение он резко скомандовал: – Диктуй адрес, еду.

* * *

Таша решила, что со вчерашним днем ушли и все ее неприятности, поэтому на работу шла в приподнятом настроении. Ну уволили, ну и что, не конец света же, работу всегда можно найти. Таша уже давно хотела попытаться устроиться в платную клинику города Н. Там и платили больше, и оборудование лучше, но всегда было жалко родную поликлинику, где она проработала уже без малого десять лет. Сейчас же такой случай представился. Но торопиться с этим она не будет, сегодня ей выплатят зарплату вместе с неиспользованным отпуском, и на эти богатства, которых им с Леськой на фазенде хватит на месяц, они устроят настоящий отдых. Будут есть клубнику и загорать в саду между яблонь, жарить шашлык и люля, а самое главное – хохотать с утра до вечера. Ирма, конечно, с ними проживет недельку, но не больше, и потом снова будет ездить на работу. Хорошо, что фазенда так близко к городу и она на своей маленькой машинке будет обязательно приезжать по вечерам. Привозить какие-нибудь вкусности и рассказывать смешные истории, и будет, как всегда, непонятно, сочинила она или они произошли на самом деле. И только когда лето начнет незаметно заканчиваться, проявляя это в достаточно прохладных вечерах, Таша пойдет устраиваться на работу, и ни часом раньше.

Пообещав себе клятвенно больше никого не запугивать и ни с кем не ругаться, Наталья Петрова переступила порог поликлиники.

– А это наша революционерка пожаловала! Не думал я, Петрова, что ты можешь так митинговать, если бы знал, я бы тебя в самодеятельность выдвинул. Надо же, на стул встала в фойе и всех врачей заставила свой бред слушать. – Не повезло – главврач встретил ее на пороге, будто ждал. – Все еще не остыло желание вывести всех на чистую воду?

Таша, как нашкодившая школьница, стояла и смотрела себе под ноги.

– Я, Сергей Петрович, была в состоянии аффекта, – оправдывалась она.

– То есть ни про какие страшные преступления, творящиеся у нас в поликлинике, ты не знаешь? – улыбаясь, уточнил главврач. Он по сути был неплохим мужиком, правда, немного трусливым. Про таких говорят «не орел». Поэтому он и не стал отстаивать своего сотрудника, а тихо уволил.

На его вопрос Таша лишь молча покачала головой.

– И всей вчерашней революции виной твой аффект? – продолжал уточнять он.

Таша вздохнула и вновь качнула головой, только теперь уже положительно.

– Я же тебе все объяснил вчера, Петрова, – тихо, словно их кто-то мог услышать, сказал Сергей Петрович. – Не могу я тебя оставить, тогда хана всем: и мне, и поликлинике.

– Я не думаю, что мы живем в такой стране, где один подонок может управлять целым коллективом, – поджав губы, все же ответила Таша.

– Ты опять! – воскликнул главврач.

– Ладно, живите с этой мыслью. – Она решила все-таки ткнуть начальство напоследок. – А я так не хочу. Я этому подонку еще в суде покажу. – Для верности она показала кулак, но получилось несколько жалко, и она быстро убрала его обратно в карман.

– Значит, так, Петрова, – зашипел на все фойе главврач, – получай расчет и выметывайся отсюда, чтоб глаза мои тебя не видели. – На последних словах он перешел на крик, и вокруг стали собираться люди. Таша гордо выпрямила спину, задрала повыше нос и немного пафосно ответила, так, чтоб все присутствующие слышали:

– Вы еще будете мной гордиться, когда я выведу его на чистую воду, – и, чеканя каждый шаг, покинула поле маленького местечкового боя.

Решив не задерживаться долго в когда-то родной поликлинике, Таша постаралась быстро сделать все необходимые дела. Подписала все документы в отделе кадров, получив на руки заветную трудовую, заскочила в свой бывший травматологический кабинет. Там она собрала небольшой пакет с личными вещами, которые уже прижились в казенном месте, попрощалась с коллегами. Проводить ее пришло много людей, в частности, даже те, с кем Таша не сработалась. Так, даже Лёнчик, молодой врач, присоединившийся к коллективу совсем недавно и постоянно получавший от Таши за несоблюдение множества требований, пришел в кабинет и тихонько стоял в углу.

– Дорогие друзья, – решила попрощаться со всеми сразу, – я всех вас люблю и всех прощаю, – пошутила она, для того чтоб напряжение спало. – Как устроюсь, сообщу, заходите, если что сломаете, – и, поддаваясь душевному порыву, расцеловала всех без исключения. Отецеский поцелуй в лоб достался даже неопрятному Лёнчику, чего тот явно не ожидал и испугался. Это обстоятельство рассмешило Ташу – кто бы мог подумать, тихоня и «пионерка» напугала всю поликлинику, – и, не в силах уже остановиться, она, выпучив глаза, страшно прошептала на ухо испуганному врачу:

– А рецепты по форме 148 ты все-таки приведи в порядок, я комиссию в поликлинику обязательно отправлю, вот только суд выиграю – и отправлю.

И, не дожидаясь ответа напуганного коллеги, Таша покинула неприветливый коллектив, который даже не поддержал ее перед главным.

Настроение, слава богу, не испортилось, а наоборот, стало еще радужнее, вдруг Таше показалось, что все к лучшему, что именно сейчас наступает счастье. Возможно, этому способствовало яркое летнее солнце, которое смешивалось с запахом свежескошенной травы, составляя тем самым многослойный запах лета. Чтоб не потерять настроение, она решила идти пешком, город был по-летнему сонным. На дорогах мало машин, а на тротуарах – людей, словно все дружно ушли в отпуск и уехали к морю. Хотя зачем далеко ехать, вон речка какая красивая есть в городе Н. Широкая, быстрая, в ней поплавать в летний зной – одно удовольствие. Эта река проходила через весь город и еще несколько километров кружила вокруг. Поэтому

воспользоваться прохладой ее воды могли почти все жители города Н. Как давно Таша в ней не купалась? Наверное, уже больше двух лет, хотя от фазенды буквально сто метров до берега, но постоянные дела и катастрофическое отсутствие отпусков в их поликлинике не давали ей сделать это.

Мост, по которому сейчас шла Таша, соединял старый и новый город, он был построен лет сто назад и вид имел раритетный, но не внушительный. Надо сказать, жители города Н. боялись его и старались обходить стороной шаткое сооружение. Наташа же его, напротив, очень любила, по ее ощущениям, он не просто соединял два берега, а обнимал реку бережно и ласково, словно старший брат. Она любила в редкие минуты прогулок по городу встать у массивных перил моста и взглянуть в бурлящие воды быстрой реки.

Вдруг на мосту, на самой его кромке, прямо за ограждением, Таша заметила человека. Он стоял спиной к перилам и смотрел в быстрые воды реки, словно пытаясь там что-то разглядеть или разгадать какую-то тайну. Вот он отпустил одну руку и быстро перекрестился, только сейчас Таша поняла, что человек собирается прыгнуть, покончить с собой, от этого мурашки побежали по спине, а ноги сами понесли к горемыке, стоящему на краю моста и, видимо, на краю своей непутевой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.